

Талант Коула

Лиза Томпсон

Перевод Анны Тихоновой

МИО

МИФ Подростки

Лиза Томпсон

Талант Коула

«Манн, Иванов и Фербер»

2020

УДК 821.111-31-93
ББК 84(4Вел)6-44

Томпсон Л.

Талант Коула / Л. Томпсон — «Манн, Иванов и Фербер»,
2020 — (МИФ Подростки)

ISBN 978-5-00-169379-6

Что нужно для счастья, когда тебе двенадцать? Модная одежда и гаджеты? Собственный кинозал в доме? А может, мировая слава, интервью, высокие гонорары? Коул не такой, как все. У его одноклассников есть всё, о чем можно мечтать! Вот его лучший друг, например, живет в огромном особняке, а у семьи Коула нет денег, чтобы отапливать свой дом. Папа Коула домохозяин, а мама вот-вот потеряет работу. Но однажды всё меняется... Картина, которую нарисовал Коул, признана настоящим шедевром, и теперь его ждут интервью, телешоу и, конечно, деньги. Вот только у Коула есть одна тайна, раскрыть которую означает вернуться к прежней жизни. Что же выбрать? Правду или ложь? Доверие или деньги? Настоящую дружбу или дешевую популярность? Что такое талант – случайное стечение обстоятельств или результат упорного труда? Вопросы, которые задает себе Коул, помогут ему повзрослеть и принять верное решение. Лиза Томпсон с юмором и большим уважением рассказывает историю мальчика, который попал в невероятные обстоятельства и одурачил весь мир. Хватит ли у него духу во всем признаться? Книга выходит в серии для подростков «МИФ. Здесь и сейчас». Мы включили в нее книги лучших современных авторов о самых важных вопросах, волнующих каждого ребенка. Это истории, способные объединить поколения: актуальные для детей и понятные их родителям. Мир вокруг – не только дом или школа. Это еще и люди, которые нас окружают, – будь то случайные попутчики или те, кто задержится в нашей жизни надолго. Мир внутри – это чувства, страхи, желания. Океан эмоций – бушующий или тихий, скрытый от окружающих. Какой из этих миров изменит тебя, а какой сможешь изменить ты? Герои книг серии «Здесь и сейчас» находят на этот вопрос свои собственные ответы. Для кого эта книга Для детей от 10 лет. Для поклонников качественной подростковой литературы всех возрастов. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-31-93

ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-00-169379-6

© Томпсон Л., 2020

© Манн, Иванов и Фербер, 2020

Содержание

Глава первая. Уборка в кабинете искусства	7
Глава вторая. День рождения Мейсона	11
Глава третья. О том, как папа приходил в школу	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лиза Томпсон Талант Коула

Серия «МИФ. Здесь и сейчас»

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: The Boy Who Fooled the World

Copyright © Lisa Thompson, 2020.

Translation copyright © 2023, by Mann, Ivanov and Ferber.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

Глава первая. Уборка в кабинете искусства

Мой лучший друг, Мейсон Фергюсон, напялил себе на голову пластиковое ведро.

Он нашёл его на полке в шкафу миссис Фрэмpton в кабинете искусства и решил исполнить в нём какой-то нелепый танец. Ведро сразу начало покачиваться и съезжать.

– Смотри. Коул. Теперь. Я. Робот, – сказал он и тут же стукнулся о стену. Из ведра донеслось громкое гулкое «ту-у-ум». В другой раз я бы рассмеялся, но сейчас был не в настроении. Мейсон снял ведро с головы и вздохнул.

– Думаешь, остальные уже там? – спросил он.

Я разбирал коробку с клеями-карандашами. Доставал все засохшие и без крышечек и выбрасывал.

– Да, – сердито ответил я. – Наверное, их угощают мороженым на завтрак.

Наш класс заранее предупредили, что за час до открытия парка аттракционов всех будут ждать два автобуса. К тому времени, как мы с Мейсоном притащились в школу, остальных учеников уже увезли в «Королевство восторга». Наш классный руководитель сказал, что, раз уроков всё равно нет, мы можем помочь учителям подготовиться к завтрашнему приезду какого-то важного гостя. И сразу выдал первое задание – прибраться в шкафу в кабинете искусства.

– Наверняка успеют покататься на «Лощине драконов» ещё до того, как очередь выстроится, – проворчал Мейсон, глядя на большой мешок с глиной.

– Да, я бы тоже туда побежал. Найл говорил, что раз десять хочет на ней прокатиться.

Мейсон снова вздохнул. «Лощина драконов» считалась самой головокружительной, самой крутой горкой в «Королевстве восторга», и все в нашем седьмом классе теперь могли на ней покататься. Все, кроме нас. Ещё в первый день триместра нам выдали рекламные буклеты парка аттракционов. Я оставил свой на кухонном столе, хотя прекрасно понимал, что родители не наскребут денег мне на билет. Они даже ничего не сказали, и в школе никто не удивился, что я не поеду. Я совсем недавно перевёлся в старшую школу Кроутер, но Найл Райт и Лейтон Морган уже придумали для меня прозвище Бедный Малыш Коул. Задумывалось это как отсылка к старому королю Коулу¹ из детского стишка, но звучало ужасно глупо. Вот было бы замечательно – просто замечательно, – если бы этих двоих укачало и вырвало на «Лощине драконов»!

Мейсон пнул коробку с бумагой для рисования.

– Поверить не могу, что они веселятся там без нас, – проворчал он. – Это нечестно!

Его родителям ничего не стоило заплатить за билет. Денег у них было сколько хочешь. Они просто не успели вовремя написать разрешение, потому что проводили на работе больше

¹ «Старый король Коул» – это британский детский стишок, известный как минимум с 1708 года. В нём рассказывается про весёлого короля, который требует подать ему трубку и чашу и позвать музыкантов и сам играет вместе с ними на скрипке. *Прим. пер.*

времени, чем дома. Я подозревал, что родители Мейсона иногда забывали о его существовании.

– Как успехи? – спросила миссис Фрэмpton, открывая дверцу шкафа. – О, стало намного лучше!

– Не понимаю, зачем нам прибираться в шкафу? – спросил Мейсон.

Учительница взяла ведро, в котором Мейсон ещё минуту назад изображал робота, поставила на другую полку, немного подумала и вернула обратно.

– Кабинет должен сиять, чтобы впечатлить нашу дорогую гостью, – объяснила она. – Марика Лофт – очень уважаемая творческая личность, и если ей что-то не понравится, это может плохо сказаться на репутации школы.

Знаменитая художница Марика Лофт училась в старшей школе Кроутер лет двадцать назад. Мы ей особо не интересовались, но знали, что она часто появлялась в телевизоре и купалась в деньгах. Её картины уходили за тысячи фунтов, она владела домами в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Все говорили, что это очень важное событие – её визит в нашу школу.

– Мистер Тейлор попросил вас развесить эти объявления в коридоре, – добавила миссис Фрэмpton. – На самых видных местах, чтобы все ученики их заметили и прочитали.

Она протянула мне пачку листов А4, а Мейсону – коробочку с кнопками. Я взглянул на верхний листок.

ВИЗИТ МАРИКИ ЛОФТ

ШКОЛЬНЫЕ ПРАВИЛА

ЗНАМЕНИТАЯ художница, важная персона и наша бывшая ученица приезжает в старшую² школу Кроутер. Пожалуйста, соблюдайте следующие правила, чтобы **НАПОМНИТЬ** ей о том, какая **ОСОБЕННАЯ** у нас школа!

- 1) Все ученики должны вести себя безупречно – **БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ**.
- 2) **НЕ** подходите к Марике и не заговаривайте с ней, пока она не заговорит с вами.
- 3) Если Марика обратится к вам, вы должны ответить вежливо и дружелюбно, самым приветливым голосом.
- 4) Не глазейте на Мариду. Знаменитости этого **НЕ ЛЮБЯТ**.

– Когда закончите с объявлениями, загляните в кабинет мистера Тейлора и спросите, чем ещё ему помочь, – сказала миссис Фрэмpton. – Пока что вы отлично справляетесь, молодцы!

Сегодня она говорила с нами особенно ласково, наверное, жалела. Понимала, что нам обидно торчать в школе, пока остальные ребята веселятся на аттракционах и жуют картошку фри. Я представил, как они радостно бегают по «Королевству восторга» под ярким солнцем, и меня замутило от зависти.

– Пойдём развесим их скорее, – сказал я Мейсону, махнув пачкой бумаг. Мы оба тяжело вздохнули и вышли в коридор.

– Ты видел картины Марики Лофт? – спросил Мейсон, когда мы остановились у доски объявлений. – Она рисует какие-то цветные кубики, и всё. Смотрится странно.

Я придержал листок, и он воткнул кнопки в каждый угол.

² В Великобритании две ступени школьного образования: начальная и старшая школа. Старшую школу посещают дети с 11 до 18 лет. *Прим. пер.*

– Вроде как разные оттенки символизируют разные моменты её жизни, – сказал я.
Мейсон хмыкнул.

– У тех, кто готов заплатить пару тысяч фунтов за холст в цветных квадратах, денег больше, чем здравого смысла. А она, наверное, посмеивается себе и радуется, что дураки ведутся.

Мы пошли дальше по коридору и прикрепили следующее объявление на дверь.

– Ты всё-таки сегодня празднуешь? – спросил я. – Остальные, наверное, поздно вернутся из «Королевства восторга».

В прошлые выходные у Мейсона был день рождения, и сегодня он собирался его отмечать.

– Да! В пять часов. Ты же придёшь? Не забудешь?

– Нет уж, не забуду. Было бы обидно пропустить и поездку в парк аттракционов, и вечеринку у Мейсона Фергюсона – и всё в один день!

Мейсон улыбнулся. Мы с ним уже давно подружились, но я ещё ни разу не был у него в гостях, и меня распирало от восторга. Я впервые получил приглашение на вечеринку. Открытка с золотой каймой выглядела очень дорогой. Праздник обещал быть роскошным, с размахом.

Мейсону двенадцать!

Приходите на праздник.

14 октября с пяти до семи вечера.

(Угощение будет. Разуваться у входа.)

О решении сообщите маме Мейсона.

Я плохо себе представлял, что подарить мальчику из богатой семьи, и в прошлую пятницу спросил у Дина Гранта, какой подарок он приготовил.

– А у кого дняха? – нахмурился Дин.

Я пожал плечами и сказал, чтобы он не забивал себе голову. И больше ни у кого не спрашивал. А то окажется, что их тоже не пригласили. Видимо, Мейсон звал далеко не всех подряд, и я не хотел его подвести.

Мы расклеили оставшиеся объявления и пошли в кабинет мистера Тейлора.

– Как думаешь, что он теперь у нас попросит? Отполировать лестницу? – проворчал Мейсон.

Дверь в кабинет была открыта. Мистер Тейлор разговаривал по телефону. Он заметил нас и махнул рукой, чтобы мы заходили.

– Разумеется... да-да, конечно... – говорил он в трубку. – Мы подготовим чай с куркумой и фрукты... да-да, без цитрусовых. Понял.

Он спешно что-то записывал в блокнот, весь красный до ушей.

– Позвольте сказать, Деклан, для нас огромная честь, что мисс Лофт нашла время в своём невероятно плотном графике и решила к нам заглянуть. Нашим ученикам просто не терпится скорее её увидеть.

Мейсон покосился на меня и закатил глаза. А мы и не знали, как сильно ждём встречи с мисс Лофт!

– ...и мы очень надеемся, что Марика, то есть мисс Лофт, обратит внимание, что наша кафедра изобразительного искусства всегда очень, э-э, рада пожертвованиям на, э-э, косметический ремонт...

Мистер Тейлор покраснел ещё сильнее.

– Да-да, само собой, – добавил он, нервно посмеиваясь. – Завтра её ждёт лучший приём. До свидания!

Он повесил трубку и вскочил со стула.

– Мальчики! Вы уже расклеили объявления?

Мы кивнули.

– Прекрасно!

Мистер Тейлор вытер пот со лба и шагнул в угол, где стояли две большие метлы. Сердце у меня замерло.

– Думаю, вы оба знаете, что визит Марики Лофт чрезвычайно важен для нашей школы. Мы должны оставить безупречное впечатление!

Он взял мётлы и подошёл к нам.

– Можете подмести дорожку, которая ведёт от главного входа к парковке? Чтобы там ни камешка, ни листочка – ничего не осталось.

Я взглянул на Мейсона. Он с очень недовольным видом принял метлу у мистера Тейлора.

– Что ж, идите, – добавил мистер Тейлор, возвращаясь за свой стол. – Вы очень нас выручаете. Большое дело делаете, молодцы.

Мы развернулись и медленно вышли в коридор.

– А могли бы сейчас развлекаться в «Королевстве восторга» вместо того, чтобы дорожки подметать, – пробормотал Мейсон.

Мы оба вздохнули и пошли к выходу, волоча за собой мётлы.

Глава вторая. День рождения Мейсона

Мейсон жил в районе Вудлендс-парк, в миле от нашего Сайдуэй-эстейт. В прошлое Рождество родители повели нас на прогулку по Вудлендс-парку, чтобы мы полюбовались на роскошно украшенные дома. Один из них весь мерцал, опутанный гирляндами. Казалось, волшебный паук сплёл паутину из бриллиантов и затянул ею дом от трубы до крыльца. Перед другим стояли механические северные олени, целых девять, в реальную величину, и среди них – Рудольф³ с блестящим красным носом. Иногда нам удавалось заглянуть и в гостиные. В одном окне я увидел такую высокую ель, что её макушка дотягивалась до потолка! А мы каждый год доставали с чердака одно и то же пластиковое деревце, хотя у него уже отломилось несколько веток.

И вот сейчас мы шли в Вудлендс-парк на день рождения Мейсона. Папа толкал перед собой коляску. Моя сестрёнка Мейбл не хотела ехать пристёгнутой, и нам пришлось задержаться, потому что папа долго её уговаривал. Наконец он пообещал угостить её печеньем, если она будет сидеть смирно, и она согласилась. Мы с папой нашли ещё нераспакованный резиновый мяч-попрыгунчик, который я получил на прошлый день рождения. Папа постарался аккуратно завернуть его в цветную бумагу и даже завязал красивый фиолетовый бантик. Я надеялся, что мне повезёт и мой отстойный подарок затеряется среди других.

Чем дальше мы уходили от нашего района, тем выше становились дома. Мейбл заметила в чьём-то палисаднике огромный каменный фонтан, и нам пришлось остановиться на целых три минуты, чтобы она на него насмотрелась.

– Пап, пойдём дальше, – попросил я. – Мы и так опаздываем!

– Смотрите! Водичка! – объявила Мейбл, убирая со лба светлые волосы и подаваясь вперёд.

– Посмотрим на фонтан на обратном пути, – пообещал папа и повёз коляску вперёд. – Мы же не хотим, чтобы Коул пропустил всё веселье?

Мейбл сторбилась и с головой накрылась пледом, в знак протеста.

Мы подошли к дому Мейсона, и я сразу его узнал. Это он весь сверкал паутиной из огоньков на прошлое Рождество. От ворот тянулась широкая гравийная дорожка, на которой поместилось бы машин десять. Папе пришлось развернуться и идти спиной вперёд, чтобы провезти коляску по мелким камешкам. Мейбл всё ещё сидела под пледом, когда папа нажал на медный дверной звонок. Моя сестра могла дуться часами.

Из дома не доносилось никакого шума. Наверное, все собрались на заднем дворе. Дверь открылась, и родители Мейсона вышли нам навстречу, широко улыбаясь.

– Коул! Добро пожаловать. Меня зовут Тамара. Мы о тебе наслышаны! Правда, Хью?

³ Рудольф – северный олень с красным носом, символ Рождества. Его история отчасти напоминает историю знакомого нам «Гадкого утёнка», но Рудольф не меняется, а понимает, что особенность, отличающая его от сородичей, на самом деле достоинство, полезное для Санта-Клауса, поскольку яркий красный нос освещает путь в ночи. *Прим. пер.*

Отец Мейсона кивнул и сверкнул белыми зубами. Я улыбнулся в ответ. Он был загорелый, в голубой рубашке и стильных брюках. Похоже, он был не из тех, кто каждый день носит джинсы, как мой папа.

– Зайдёте на кофе? – спросил Хью, смерив моего папу взглядом.

– Спасибо за предложение, но я лучше пойду. Мейбл раскапризничалась, а я обещал, что мы остановимся посмотреть кое-на что по пути домой.

Мейбл на секунду выглянула из-под пледа и снова спряталась.

– Ах, конечно, – сказала Тамара. – Вы ведь не из Вудлендс-парка?

– Нет, но наш район совсем неподалёку. Сайдуэй-эстейт, – ответил папа.

Улыбки родителей Мейсона немного поугасли. Мне не терпелось зайти в дом, но они загораживали проход. И самого Мейсона пока нигде не было видно. Наверное, он веселился вместе со всеми на заднем дворе.

Хью прокашлялся.

– Я слышал, у вас там есть хороший мини-супермаркет. Открыт круглые сутки. Очень удобно!

Папа просиял.

– Да-да, верно! Но мы редко туда заходим. Он довольно дорогой.

Снова повисла тишина. Мама Мейсона взглянула на наручные часы.

– Что ж, я пошёл, – сказал папа и повернулся ко мне. – Вернусь за тобой в семь, Коул. Хорошо тебе провести время.

Хью шагнул в сторону, и я переступил через порог. Папа развернулся и повёз коляску Мейбл по гравийной дорожке, оставляя за собой две глубокие полосы. Мама Мейсона поморщилась.

Я огляделся, стараясь не слишком уж таращиться на всё вокруг. Прихожая была размером с весь первый этаж нашего дома. Слева и справа виднелись двери, а посередине – широкая лестница. Я заметил, что наверху ещё дверей восемь, если не больше. Всё сияло белизной, даже ковёр, и у меня создалось впечатление, будто я попал на небеса.

Вдруг у Хью зазвонил мобильный, и он ушёл в соседнюю комнату, затворив за собой дверь.

Тамара опустила взгляд на мою обувь. Я поспешно снял кроссовки и поставил на чёрный поддон у входа.

– У тебя пушистые носки? – спросила Тамара. Я пришёл в красных носках с узором из весёлых пухлых Санта-Клаусов, хотя на дворе стоял октябрь. – С них пух не сыпется?

Я хотел ей ответить, что понятия не имею, когда в прихожей появился Мейсон. Он пронёсся по ковру, как по ледяному катку, и чуть в меня не врезался.

– Коул! – радостно воскликнул он. – Ты уже здесь! А я не слышал, как в дверь позвонили. Всё в порядке?

Я кивнул и широко ему улыбнулся. Тамара ещё раз взглянула на мои носки, прошептала что-то Мейсону на ухо, похлопала его по плечу и ушла в дальнюю комнату.

– С днём рождения, Мейсон, – сказал я, протягивая ему мяч-попрыгунчик, и огляделся, высматривая гору подарков, в которой можно было бы его спрятать.

– Спасибо! Потом открою.

Он положил мяч на стол рядом с фотографией своих родителей на тропическом пляже, выдвинул ящик и достал какие-то синие пластиковые пакетики. Смял их и бросил мне. Они упали на пол.

– Вот, надень, – сказал Мейсон.

Я наклонился и поднял их с пола. Это оказались бахилы, вроде тех, которые выдают в бассейне или больнице. Они напоминали шапочки для душа на резинке. Я заметил, что Мейсон и сам в таких же, но растерялся на секунду, потому что не сразу понял, зачем они мне.

Наверное, чтобы на белом ковре не остался красный пух с носков? Я сел на коврик у двери и натянул бахилы на ноги.

– Сначала в них как-то неудобно, а потом привыкаешь, и скользят они хорошо, – заметил Мейсон. – Мне однажды удалось доехать от кабинета до кинокомнаты.

Я всё ещё возился с бахилами. В доме стояла полная тишина. Куда делись все гости?

– А что, автобус из «Королевства восторга» ещё не приехал? – спросил я.

Мейсон почесал затылок.

– А, точно. Я же собирался тебе сказать... Мама с папой разрешили пригласить только одного друга, и я выбрал тебя. Больше никто не придёт, извини.

– О... – протянул я.

Я выпрямился. Синие бахилы шуршали на мягком ковре. На таких праздниках я ещё не бывал. Мейсон смотрел себе под ноги и водил носком по белым ворсинкам, отчего получался забавный свистящий звук.

– Мейсон, я не ослышался? Ты сказал «кинокомната»? – спросил я.

Он медленно поднял голову и просиял.

Дом был совершенно невероятный. Мейсон показал мне кинокомнату с десятью креслами с откидными спинками, игровую комнату с разными приставками и спортзал (по виду и по запаху свежести казалось, что им ещё ни разу не пользовались). Ещё у них был винный погреб, но туда нам запретили спускаться. Потом мы зашли во вторую гостиную, которую Мейсон называл «салон», и из неё открылся вид на задний двор. Я увидел блестящее баскетбольное кольцо на террасе, а за ним – широкую зелёную лужайку. Трава казалась такой же мягкой, как толстые ковры в доме. В стороне я заметил большие футбольные ворота.

– Ух ты, какой у тебя двор огромный! – воскликнул я, не скрывая своего восторга. – Даже ворота есть! Хочешь, поиграем?

– Ой, боюсь, не получится. Газон недавно подстригли, – ответил Мейсон.

Я посмотрел на густую зелёную траву. У меня создалось впечатление, что на газоне не только в футбол никогда не играли – по нему вообще не ступала нога человека.

Мы зашли в спальню Мейсона, с огромной кроватью, гамаком и личной ванной.

– Вот тебе повезло, – сказал я, вспоминая свою холодную комнату с потёртым ковром и матрас с пружинами, которые впивались в рёбра.

Я сел в гамак и покачался вперёд-назад. Я бы всё отдал за то, чтобы жить в таком доме. Это было самое потрясающее место из всех, где мне доводилось бывать.

– погоди, я же ещё не открыл твой подарок! – вскрикнул Мейсон и помчался в прихожую. Я даже не успел ему сказать, что лучше пусть посмотрит на него потом, после того как я уйду. Меня передёрнуло. Мейсона окружало всё самое лучшее, что он только мог пожелать, а его единственный подарок от единственного гостя на день рождения был таким жалким. Я медленно раскачивался в гамаке, пока не услышал громкое «УХ ТЫ!» с первого этажа. Я аж вздрогнул. Вскоре Мейсон появился на пороге, счастливый, с горящими глазами.

– Всегда о таком мечтал! Опробуем его на террасе?

– Э-э, ладно, – согласился я, довольный тем, что ему вроде как понравилось.

Мы спустились, я взял свои потрёпанные кроссовки с поддона у двери, и тут, как будто его жизнь и так была недостаточно идеальной, Мейсон достал пару ярко-белых кроссовок.

– Это ХТ50? – спросил я, разинув рот.

– Да, подарок от мамы с папой на день рождения. Правда классные?

Я кивнул, и он дал мне поддержать одну кроссовку. Я провёл пальцем по носку. Он так ослепительно блистал, что у меня едва не слезились глаза. ХТ50 стояли очень, очень дорого.

– Они потрясающие, – прошептал я, возвращая ему кроссовку.

Мы вышли в большую столовую с широкой стеклянной дверью, ведущей в сад. Мейсон открыл дверь, мы сняли бахилы и обулись.

Играть в мяч на террасе оказалось очень весело. Мы так громко смеялись и вопили, что мама Мейсона выглянула из дома и попросила нас быть потише. Один раз я не успел принять подачу, мяч сильно отскочил и приземлился посреди безупречной лужайки. Мейсон побежал за ним, и папа крикнул ему из окна второго этажа, чтобы он не топтал траву.

– Давай бросать не так сильно, – предложил Мейсон, густо покраснев. – Тогда он не будет улетать.

Нам удалось двадцать восемь раз перебросить мяч друг другу, ни разу его не уронив. А потом мама Мейсона позвала нас ужинать. Мы сняли кроссовки, надели синие бахилы и зашли в дом.

На ужин была пицца. Дома мы обычно размораживали пиццу из магазина, полупустую и не особо вкусную, а эту явно заказали из ресторана. На коробках было написано: «Приготовлено в нашей дровяной печи». Я взял три куска с пеперони, красным перцем чили и какой-то зеленью. Тамара предложила мне салат из большой деревянной миски, но я обошёлся пиццей. После двух кусков у меня во рту всё запылало, и я поспешно отпил черносмородинового сока. Такого острого чили я ещё не пробовал.

После ужина Тамара ненадолго ушла в другую комнату и вернулась с большим тортом в виде тропического острова. Мы хором спели песенку «С днём рождения тебя», и Мейсон задул двенадцать свечей, воткнутых в пальмы.

– Это самый красивый торт на свете! – взвизгнул я и тут же залился краской, когда все на меня посмотрели.

– Я заказала такой, чтобы он напомнил тебе о нашем отдыхе в Антигуа, – сказала Тамара и поцеловала Мейсона в лоб.

Мейсон улыбнулся.

– Спасибо, мам.

Вид у него был не очень-то восхищённый. Наверное, он привык получать роскошные торты на дни рождения. А вот меня этот сладкий тропический остров просто поразил.

Мы съели по куску торта (самого вкусного из всех, что я пробовал), а потом пошли в кинокомнату и уселись там на мягкие кресла в середине первого ряда. Я откинулся на спинку, утопая в красном бархате, и повернулся к Мейсону.

– Знаешь, тебе страшно повезло. Мой дом – полный отстой.

Мейсон нахмурился. Он у меня бывал уже не раз.

– Неправда. У тебя там... уютно.

Я не видел ничего уютного в холодном, старом доме с протёртыми коврами и выцветшими обоями, но не хотел с ним спорить.

Мы посмотрели мультики, старые, но очень хорошие. Мне больше всего понравился мультфильм про Хитрого койота, который жил в пустыне и пытался поймать высокую синюю птицу – Дорожного бегуна. Вначале могло показаться, что птица глупая, только и умеет клевать зерно, тыкаясь клювом в землю, но потом становилось ясно, какая она на самом деле умная. Дорожный бегун всякий раз умудрялся обхитрить койота. А ещё забавно пищал «бип-бип», как машина, прежде чем умчаться в закат в облаке пыли. По-моему, это было просто гениально. Мейсон объяснил, что его папа обожал эти мультики и раньше они часто смотрели их вместе. До того, как у папы стало слишком много работы.

Наконец последний мультик закончился, и Мейсон посмотрел на часы.

– У нас есть ещё минут пятнадцать. Побросаем мяч?

– Давай, – согласился я.

Мы вышли из кинокомнаты, и я проехался по ковру до кухни, где мы ели пиццу. Рот у меня всё ещё горел после острого перца.

– Я сбегая за соком, – крикнул я Мейсону, который уже шёл через столовую к раздвижным дверям во двор.

Мой стакан с черносмородиновым соком всё ещё стоял на салфетке. Я взял его и сделал большой глоток. Сок приятно охлаждал горло. Я отнёс стакан в столовую и поставил на круглый столик, возле вазы с цветами. Мейсон уже стучал мячом по полу террасы.

– Кажется, он ещё сильнее отпрыгивает, если его нагреть, – сказал он, когда я вышел к нему, и бросил мне мяч. Я отбил его, и Мейсон принял подачу.

– Раз!

Мяч снова полетел ко мне, и я выкрикнул:

– Два!

Мы досчитали до двадцати двух, когда я рассмеялся и чуть не выронил мяч.

– Двадцать три! – объявил Мейсон, хватая его одной рукой. А потом занёс её назад, покрутил, замахнулся и метнул попрыгунчик в мою сторону. Только мяч не отскочил от пола, а понёсся прямо на меня. Я тут же закрыл лицо, чтобы защититься. Мяч отрикошетил от моей руки и полетел в столовую, туда, где стоял мой стакан с черносмородиновым соком.

– Не-ет! – завопил Мейсон. Мы оба кинулись за мячом, но слишком поздно. Мяч врезался в стекло, стакан опрокинулся и подкатился к краю стола. Фиолетовый сок полился на мягкий белый ковёр. Мы устали на пятно. Мейсон побелел и развернулся ко мне.

– Зачем ты его принёс? Сюда нельзя с напитками!

– В смысле? Это же столовая! Почему нельзя?!

Пятно всё разрасталось, и пушистый белый ковёр всё сильнее пропитывался соком. Мне стало не по себе.

– Наверное, надо взять какую-нибудь тряпку, чтобы она впитала сок? – предложил я.

Мейсон сбегал на кухню за жёлтым полотенцем, встал на колени и принялся промокать ковёр. Полотенце быстро стало фиолетовым, но пятно даже не побледнело.

– Может, лучше сказать твоей маме? – предложил я. На самом деле мне этого совсем не хотелось, но она наверняка знала, что делать.

Мейсон ничего не ответил. Он ритмично вжимал кухонное полотенце в ковёр, словно пытался реанимировать его после остановки сердца.

Вдруг в дверь позвонили. Это за мной пришёл папа. Мы с Мейсоном переглянулись. Вид у него был очень серьёзный.

– Никому ни слова, понял? – процедил он сквозь зубы.

Я кивнул.

Мейсон поднял мой стакан из-под сока, закрыл двери на террасу и положил мяч в карман. Мы стянули кроссовки и надели бахилы. Я заметил на новеньких кроссовках Мейсона фиолетовую полосу. Он быстро потёр её пальцем, и, когда она исчезла, я вздохнул с облегчением. Мы вбежали в прихожую как раз в тот момент, когда Тамара открыла дверь.

– Привет, пап! – выпалил я сразу, как только его увидел.

А потом как можно быстрее снял бахилы и обулся. Мне хотелось убраться отсюда поскорее. Папа растерянно улыбнулся. Наверное, он не понимал, почему я единственный гость и зачем мне эти синие мешки на ногах. Я поднял брови, намекая ему, что лучше об этом промолчать.

– Вы хорошо провели время? – спросил папа.

Мы с Мейсоном кивнули, но ничего не сказали.

Папа Мейсона вышел к нам с огромным куском торта, завернутым в салфетку.

– Вот, Коул, возьми. Поделишься со своей сестрёнкой.

– Спасибо, мистер Фергюсон, – ответил я, опустив голову.

– Они чудесно себя вели, – сказала мама Мейсона, очевидно, забыв о том, как попросила нас быть потише. – Сидели как мышки, правда, Хью?

Она говорила так, будто нам было по пять лет, а не по двенадцать.

– Мы были очень ему рады, – добавил папа Мейсона. – Заходи к нам когда угодно, Коул.

Я подумал про черносмородиновый сок на дорогом ковре и сглотнул.

– Спасибо, что пригласили, – пробормотал я, выдавил короткое «пока» для Мейсона и вышел на гравийную дорожку вслед за папой.

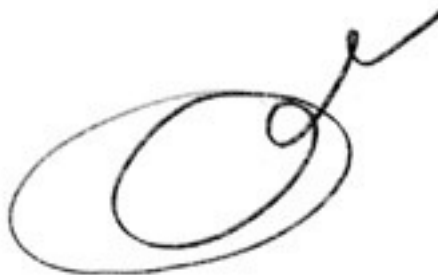
Всю дорогу домой он расспрашивал меня, чем мы занимались. Я сказал, что Мейсону очень понравился мяч-попрыгунчик, и папа похлопал меня по спине.

– Видишь, Коул? Простой подарок может оказаться даже лучше дорогого.

Ещё я рассказал ему про кинокомнату и мультфильм с койотом и птицей. Папа рассмеялся и заметил, как он рад, что нам было весело. Тогда я решил не упоминать про черносмородиновый сок.

Мейбл постоянно что-нибудь роняла и проливала, но мои родители совсем не сердились. Только я подозревал, что мама и папа Мейсона отнесутся к этому по-другому. Оставалось надеяться, что ему не слишком сильно влетит за пятно на ковре.

Глава третья. О том, как папа приходил в школу

Первое, о чём я подумал следующим утром, было пятно на белом ковре в доме Мейсона. Если от моих родителей потребуют возместить ущерб, заплатить им будет нечем. И я не смогу помочь – карманных денег у меня нет.

Я встал с кровати и поёжился. Кажется, обогреватель опять барахлил. В комнате у меня было холодно и свежо, совсем как на улице. Я поспешно надел носки и набросил домашний халат. Он был мне мал, и рукава доставали только до локтей.

Я спустился на первый этаж и увидел, что мама ещё дома. Обычно она уходила на работу до того, как я просыпался.

– С добрым утром, солнышко, – сказала она. – Я немного задерживаюсь. Возьми себе хлопья на завтрак. Только всё не высыпай, оставь на потом, ладно?

Я достал из шкафчика миску и насыпал в неё коричневые хлопья. Их вывалилось слишком много, и я вернул несколько ложек обратно в пакет.

Мама наблюдала за мной, ломая пальцы. У меня оборвалось сердце. Похоже, родители Мейсона уже ей позвонили и пожаловались на испорченный ковёр.

– Что-то случилось? – спросил я, изображая саму невинность.

Мама глубоко вдохнула, как бы собираясь с силами, и ответила:

– Боюсь, ничего хорошего, Коул. Музей закрывается. Скоро я останусь без работы.

– Что?! Как?

Я посмотрел на маму. В глазах у неё блестели слёзы. Мне сразу стало не по себе. Откуда мы возьмём деньги на счета и на еду, если мама потеряет работу? Мы и так еле перебиваемся!

– Посетителей слишком мало, – объяснила мама. – Мы с доктором Сабиной всегда знали, что рано или поздно музей закроется, но надеялись оттянуть этот момент, насколько возможно.

Кроме мамы и Сабины, в музее никто не работал. И доктором Сабину называли не потому, что она умела лечить больное горло и переломы. Она была доктором исторических наук.

– А как же все ваши мероприятия? – спросил я. – «Встреча с египетской мумией» и «Секреты работы геолога»?

Это всё были выставки и квесты, на которые приглашали детей во время летних каникул.

– На них мало кто приходил, Коул, – со вздохом ответила мама. – И неудивительно. Денег на рекламу у нас не было. Откуда люди узнают, что наш музей полон удивительных экспонатов, если никто им об этом не расскажет?

А что обиднее всего, маме безумно нравилось там работать. Она собиралась изучать историю в университете, но уже в восемнадцать лет у неё появился я, и времени на учёбу не осталось. Когда я был ещё малышом, она ходила в местный музей и добровольно помогала, бесплатно. У неё так хорошо всё получалось, что ей дали подработку. А после того как родилась

Мейбл, ей предложили полную ставку, и тогда папа ушёл со своей работы, чтобы приглядывать за детьми.

– Что же мы будем делать, мам? – спросил я. – Как мы будем жить, если ты потеряешь работу?

– Не переживай, – ответила мама с неловкой улыбкой. – Я поищу новую. И твой папа всё ещё пытается найти вечернюю подработку.

Она ласково сжала мою руку. Я догадался, что мама едва сдерживается, чтобы не расплакаться.

В пижаме с разномастными кофтой и штанами зашла Мейбл. Наверное, она почувствовала неладное, потому что сразу подбежала к маме и обняла её за ногу.

– Как бы мне хотелось завлечь в музей больше посетителей, – добавила мама. – Так обидно! У нас хранится столько сокровищ, но никому они не интересны.

Тут на кухню спустился папа и включил чайник.

– Доброе утро, Коул. Мама уже всё тебе рассказала?

Я кивнул и помешал хлопья в миске. Аппетит совсем пропал.

– Не грусти, – сказал папа и похлопал меня по плечу. – Мы что-нибудь придумаем.

– Опять нет горячей воды, Дженни, – добавил он, стукнув по бойлеру. – Он меня с ума сведёт!

Квадратная металлическая коробка на стене у задней двери вздрогнула, будто собираясь ожить, но через секунду ахнула и затихла. Это был наш водонагреватель, и он постоянно ломался.

Я посмотрел на папу, одетого в простые джинсы и старую футболку с названием любимой рок-группы, и мне вдруг захотелось крикнуть: «Почему ты не можешь всё починить, пап?! Почему не можешь работать, как все другие отцы?»

Я вспомнил отца Мейсона с широкой, яркой улыбкой и в стильной рубашке. У него точно хватило бы денег на то, чтобы заплатить за ремонт бойлера. У него была нормальная работа. Как и у всех обычных отцов. А мой папа ничего не делал, и что хуже всего – все в моей параллели об этом знали.

Когда Мейбл было всего несколько месяцев и я ещё учился в начальной школе, учительница отправила письма всем родителям, чтобы они пришли на особый урок «Мир профессий». До того как я родился, папа путешествовал с рок-группами по всей Европе. Помогал заносить оборудование и инструменты в концертные залы, а ещё устанавливал и настраивал аппаратуру на сцене. По-моему, это была потрясающая работа, и я очень обрадовался, когда папа согласился выступить перед одноклассниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.